

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**МАЛЫЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
В ЗАПИСИ А. В. БУРДУКОВА
(к вопросу о публикации фольклорных текстов)**

Ц. Б. Селеева

В конце XIX в., по мере расширения имперской экспансии на восток, российское внимание к Центральной Азии, в частности, к Монголии, стало возрастать, и было положено начало переселению первых мигрантов в Монголию. В основном это были торговые люди, старообрядцы, а после революции 1921 г. — советские специалисты, составившие костяк русских старожилов в Монголии [Кузьмин 1997]. В их числе был Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943) — монголовед, преподаватель монгольского языка, общественный деятель, организатор первой советской школы в Монголии.

Еще мальчиком, будучи на службе у русского купца, он попал в Монголию и за время своего долговременного проживания прекрасно освоил язык, проникся живым интересом к традиционной культуре и литературе монголов. Будучи в Монголии, А. В. Бурдуков поддерживал связи со многими крупными учеными-монголоведами из России, оказывал им всемерную поддержку, делился опытом и знаниями. Известно, что он длительное время состоял в тесной переписке с профессором В. Л. Котвичем, по рекомендации которого стал собирать образцы фольклора монгольских народов и редкие рукописи.

Результатом целенаправленной работы А. В. Бурдукова стала коллекция уникальных предметов монгольского быта, рукописей, ксилографов, карт, образцов лингвистического и этнографического материала, а также собранная им большая библиотека монгольских сочинений и трудов о монголах. Особую научную ценность представляют написанные и опубликованные им заметки и статьи этнографического характера, словари, записи образцов устного народного творчества монгольских народов [Бурдуков 1910; 1916; 1932; 1935; 1936; 1969].

Хранительницей этого бесценного наследия и продолжательницей дела А. В. Бурдукова в области изучения монгольской культуры, языка и фольклора была его дочь Таисия Алексеевна Бурдукова, доцент Ленинградского университета. В 1990-х гг. часть материалов архивного фонда А. В. Бурдукова была ею передана в научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Примечательно, что в вышеуказанный «Личный фонд А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1] наряду с монгольскими вошли и калмыцкие материалы. Как известно, вернувшись в Россию, А. В. Бурдуков продолжил фольклорно-этнографическое изучение монгольских народов — в период с 1929 по 1939 гг. он неоднократно бывал в экспедициях в различных районах проживания калмыков с целью изучения их хозяйства и быта, а также записи произведений устного народного творчества.

В одной из таких экспедиций, организованной Институтом востоковедения АН СССР в Калмыкию в 1937 г., А. В. Бурдуковым и его коллегами было записано большое количество калмыцких народных песен [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 144]. Во время очередной поездки к калмыкам, летом 1939 г., А. В. Бурдукову удалось осуществить уникальные записи четырех песен и пролога калмыцкого героического эпоса «Джангар» от известного джангарчи Давы Шавалиева [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 6]. Среди архивных материалов встречаются также две его статьи, посвященные творчеству ойратских и калмыцких сказителей [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 56] и изучению халха-монгольского эпоса [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 71], рабочие материалы к ним и

фотография знаменитого ойратского сказителя Парчена [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 169], которые свидетельствуют об особом интересе А. В. Бурдукова к эпосу монгольских народов.

В настоящей статье рассматриваются материалы в записи А. В. Бурдукова, относящиеся к малым жанрам фольклора монголоязычных народов. Исследователем был собран обширный материал, включающий 15 тетрадей/блокнотов с текстами пословиц, поговорок и загадок монгольских народов [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

На форзаце одного из блокнотов имеется надпись, содержащая подробную информацию о количественном составе образцов, источниках, этнической принадлежности и времени их записи: «С. К. сарт-калмыцкие пословицы — 121 шт. зап. 1929 г. А. Б.; байтов послов. зап. А. Б. — 21 шт. ж. Жив. Ст. вып. III. 1910 г.; А. Б. мною собр. воспоминания — 200 шт.; М.Х. Монг. хрест. — 45 шт.; А. Б. доп. мною соб. — 95 шт.; В. К. собр. Котвичем — 312 шт.; С. К. сарт-калм. — 3 шт.; О. Т. Оюн түлкүр — 5 шт.; А. Т. Алтан-Тобчи; Х. Х. монг. загадки из былины Хан-Харангуй; Н. Б. Бадмаев калм.-рус. букварь — 81 шт.; М. С. Монгольский сборник — 530 шт.; О. М. Ордосский — 316 шт.; Н. Н. Поппе. Бурят. и монг. фольклор и диалекты, агинских и баргузинских эхиритов — 142 шт.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3. Серый блокнот].

Данный перечень представляет собой список источников образцов текстов, собранных и подготовленных ученым к изданию. Часть из них (437 ед.) составляют материалы, записанные А. В. Бурдуковым во время его поездок по Монголии и к каракольским калмыкам. Это пословицы байтов (21 ед.), опубликованные в журнале «Живая старина» [1910: 254–259], 295 паремий, не имеющих указания на этническую принадлежность и отмеченных автором как «собранные воспоминания» и «дополнительно собранные» (скорее всего, они относятся к монгольскому списку), а также 124 образца пословиц, записанных у сарт-калмыков в 1929 г. Другая часть корпуса текстов представляет собой материалы из опубликованных монгольских источников, это «Монгольская хрестоматия» (45 ед.), «Оюн түлкүр» (5 ед.), «Монгольский сборник» (530 ед.), «Ордосские пословицы» (316 ед.), собрание Н. Н. Поппе (142 ед.). К монголь-

скому списку следует отнести пословицы, извлеченные из древней монгольской летописи «Алтан-тобчи», и загадки — из монгольской былины «Хан-Харангуй»; количественный состав образцов, выбранных из обоих источников, составителем не обозначен.

В рукопись А. В. Бурдукова включены и калмыцкие источники: сборник афористической поэзии В. Л. Котвича [Котвич 1905] и калмыцко-русский букварь Н. Бадмаева [Калмыцко-русский букварь 1910]. Выбор первого источника, по всей вероятности, обусловлен тем, что сборник В. Л. Котвича носил характер научного издания, в котором образцы текстов паремий были сопровождены параллельным переводом на русский язык, осуществленным автором, снабжены научным аппаратом с указанием многочисленных вариантов образцов и их источников. Что касается качества перевода, то, по мнению А. Ш. Кичикова, при всех своих научно-художественных достоинствах, он во многом носит дословный, а не смысловой характер, и не всегда раскрывает точный смысл афоризмов [Кичиков 1972: 5–6]. В сборник вошло 310 образцов загадок и 312 пословиц, собранных В. Л. Котвичем у калмыков в 1896 г. Большая часть пословиц (202 ед.) была записана зайсангом Малодербетовского улуса Дорджи Джабом Кутузовым, лектором Санкт-Петербургского университета, и затем в 1896 г. передана В. Л. Котвичу [Котвич 1972: 10]. В рукописи А. В. Бурдукова есть запись «312 шт., собранных Котвичем»; при этом не уточнен жанр паремий (загадки или пословицы). По всей вероятности, при формировании корпуса текстов А. В. Бурдуков ориентировался на собиранье пословиц, а не загадок. Если так, то из собрания Котвича в рукопись А. В. Бурдукова был включен только материал пословиц (312 ед.). Данный вывод косвенно подтверждается и тем, что из калмыцко-русского букваря Наймана Бадмаева, где представлены 81 пословица и 35 загадок, А. В. Бурдуков включил в свою рукопись только 81 ед. образцов паремий — очевидно, пословиц.

Что касается количественного состава всего корпуса текстов издания А. В. Бурдукова, то выявлено их явное несоответствие перечню. В конце списка составителем указано общее количество образцов — 1664 ед., но при нашем пересчете их количество составило 1871 ед.

Таким образом, на начальном этапе А. В. Бурдуковым была решена первостепенная задача и сформирован корпус текстов, состоящий из ранее опубликованных и его собственных материалов, который должен был лечь в основу фундаментального издания пословиц и поговорок монгольских народов.

На последующих этапах велась планомерная работа по подготовке труда к изданию. Подтверждением этого являются заметки, сделанные автором на отдельных листах формата А 4, вложенных в один из рабочих блокнотов. В них содержится информация об объеме планируемой работы, сроках ее сдачи и рабочем названии: «Монгольские пословицы и поговорки. Размер около 15 п. л. Срок сдачи 25 авг. 1939 г.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. В блокнотных записях, сделанных чуть ранее, встречаем несколько иное название — «Пословицы и поговорки монголов» (1938 г.). В обоих случаях в наименованиях не упомянуты загадки, несмотря на то, что в перечне они встречаются, вероятно, это обусловлено незначительным объемом материала загадок по сравнению с пословицами и поговорками.

Кроме того, составитель подробно расписал порядок распределения материала книги по частям и уточнил их объемы: «предисловие 12 л., исследование 3 л., комментарии 5 л., текст с переводом 5 л.1, примечания 12 л.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. А. В. Бурдуков предполагал, что в примечаниях «будут даны варианты пословиц, пояснения особенностей того или иного своеобразного выражения, понятия, слова и т. д.». Точно расписаны и предполагаемые сроки исполнения этапов работы. Так, подбор пословиц по темам планировалось закончить «к 1 мая 1938 г., непосредственно перевод пословиц и часть примечаний закончить к 1 сен. 1938 г., написание комментариев к 10. II. 1939 г., а исследование и предисловие к 25. VIII. 1939 г.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

Составителю паремиологического сборника предстояло разрешить еще одну важную проблему — выбор наиболее приемлемого подхода к систематизации материала. Научной и собирательной практике известно несколько типов классификации пословиц: алфавитная, заключающаяся в систематизации образцов в алфавитном порядке в зависимости от начальной буквы первого

слова; лексическая или энциклопедическая, подразумевающая распределение пословиц по опорным или ключевым словам; монографическая классификация, основанная на группировке пословиц по месту или по времени их собирания; генетическая, заключающаяся в систематизации материала по признакам происхождения, этническим и языковым; тематическая, классифицирующая пословичные изречения по темам высказывания, т. е. по их содержанию [Пермяков 1988: 11–12]. Каждый из приведенных типов классификации паремий в отдельности обладает рядом достоинств и недостатков. Основной и преобладающей в отечественной паремиологии остается тематическая классификация.

Впервые тематическая классификация материала в отечественной фольклористике была применена В. И. Далем в 60-х гг. XIX в. в его фундаментальном классическом издании «Пословицы русского народа» [Даль 1957]. Тексты были классифицированы по 180 тематическим рубрикам: «бог — вера», «счастье — удача», «горе — беда», «работа — праздность» и т. д. При систематизации материала паремий А. В. Бурдуков придерживался тематического принципа и опирался на опыт В. И. Даля, свидетельством чего являются встречающиеся в его архиве записи и выписки из работ В. И. Даля, касающиеся подбора и расположения пословиц.

Следует отметить, что одним из недостатков тематической классификации является некоторая субъективность, так как рубрикация паремий по тематическим группам носит произвольный характер. А. В. Бурдуковым была разработана собственная система распределения материала: I. Семья: а) отношение родителей к рождению детей; б) отношение родителей к воспитанию детей; в) советы о приемных и посторонних детях; г) об отношении родителей к детям и детей к родителям; д) отношение к молодежи; е) о хороших и плохих девушках; ж) о женитьбе и замужестве; з) о выборе жены; и) о положении женщины в семье; к) о положении мужчины в семье; л) мнение родителей о выданной замуж дочери; м) о семейных неполадках и возвращенках; II. Род и общество: а) родство и родственники; б) коллективизм; III. Право и власть: а) власть; б) право; в) правда; IV. Феодализм и феодалы; V. Верования и суеверия: а) судьба; б) вера и суеверия; в) неверие; г) счастье и несчастье; VI. Лам-

ство: а) ламы; VII. Экономика: а) экономика; б) труд; в) богатство; VIII. Дружба и гостеприимство: а) дружба; б) гостеприимство; IX. Старость и смерть: а) о смерти; б) о старости; X. Учение: а) о учении; XI. Этика» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3. Описание: Блокнот серого цвета с надписью А. В. Бурдукова «Монгольские пословицы». 1938 г. 1 марта.]

Таким образом, система классификации и распределения пословичного материала, разработанная А. В. Бурдуковым, имеет двухуровневую структуру. На начальном этапе паремии распределены по одиннадцати крупным тематическим блокам: 1) семья, 2) род и общество, 3) право и власть, 4) феодализм и феодалы, 5) верования и суеверия, 6) ламство, 7) экономика, 8) дружба и гостеприимство, 9) старость и смерть, 10) учение, 11) этика. На втором этапе материал распределен внутри каждого тематического блока по рубрикам. Следует отметить, что тематические блоки не однородны по количеству внутритематических рубрик: тема «семья» имеет 12 рубрик, ряд тем имеют по одной рубрике — «учение» или «ламство», а некоторые не имеют их вообще — «феодализм и феодалы», «этика».

Необходимо отметить, что тема семейных отношений в паремиях монгольских народов оказалась преобладающей, так как «семья осуществляет важные репродуктивные и социальные функции, связанные с заключением брака, рождением и воспитанием детей, функционированием супружества и разрушением его» [Батмаев 2008: 3]. Не менее важны в традиционной культуре монголов, судя по составу паремий из коллекции А. В. Бурдукова, и родовые отношения.

Наряду с традиционной тематикой А. В. Бурдуков посчитал необходимым отразить историческую, социально-политическую и экономическую жизнь монгольского общества путем выделения специальных тематических рубрик — «право и власть», «феодализм и феодалы», «ламство», «экономика».

Проживая в Монголии, А. В. Бурдуков был непосредственным свидетелем бурных исторических событий начала XX в. и искренне переживал за судьбу монгольского народа, вступившего в борьбу за суверенный статус своего государства. «Как известно, Монголия более двухсот лет находилась под властью маньчжурских захватчиков, и народ изнывал под двойным гнетом мань-

чжуро-китайских поработителей и своих собственных феодалов» [Нацагдорж 1976: 87]. «На заре XX века монгольский феодализм, несмотря на его разложение под воздействием внешнего мира, еще больше приобретал теократический характер. В период теократической монархии позиция духовных феодалов, без того могущественная, еще больше укрепилась. Во главе государства встал представитель духовенства богдо-геген ламаистской церкви Джебцзун-Дамба-хутухта. Монголия явила миру уникальный опыт — официально правителем государства стала церковь» [Нацагдорж 1976: 104–105].

В ходе подготовки паремий к изданию А. В. Бурдуков разработал и обосновал систему транскрибирования оригинальных текстов: «Исходя из того соображения, что книга предназначена для широкого пользования, с одной стороны, и с другой, чтобы сократить расходы и облегчить возможность печатать в любой типографии: для транскрипции монгольской речи мы берем обычный русский алфавит, что даст возможность читать монгольскую речь каждому грамотному по-русски» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. В приложении даются несколько образцов транскрибирования пословиц и перевод, например: «Шон эсе ургавл шаадзга хана суух биле. Перевод: “Если бы не был поставлен столбик, то где же бы села сорока?”». В примечании также дается подробное пояснение обозначения русскими буквами букв латинского алфавита: «рус. ‘ю’ будет означать лат. ‘y’, рус. ‘ё’ будет означать лат. ‘ø’, лат. ‘ju’ будет писаться ‘йу’, лат. ‘jo’ [будет] пис[аться] ‘йо’, лат. ‘ja’ будет пис[аться] русск. ‘я’, русск. ‘ь’ будет означать смягчение» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

Таким образом, А. В. Бурдуковым были поставлены ключевые проблемы научного издания образцов малых фольклорных жанров монголоязычных народов, связанные с формированием корпуса текстов, состоящим из опубликованных и собственных записей, систематизацией и тематической двухуровневой классификацией текстов, их параллельным переводом. Ученый предложил собственную систему транскрибирования оригинальных текстов с использованием букв русского алфавита. А. В. Бурдуков считал, что научное издание должно обязательно включать вступительную исследовательскую статью, научный аппарат (спи-

сок источников, комментарии), к тому же основной корпус текстов должен сопровождаться указанием на имеющиеся варианты приводимых образцов.

Ученым также были определены цели предполагаемого издания: «Сделать доступными для широких читательских масс сокровища народной мудрости монгольских племен. Тем самым содействовать сближению народов СССР с народами МНР <...> выполненная работа предназначена служить не только книгой для чтения мирских читательских масс, знакомящихся с жизнью и бытом монголов <...> будет учебным пособием <...> даст богатый материал для повседневной языковой практики» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. П экз. Оп. 1. Д. 3].

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)

Литература

- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Бурдуков А. В.* Образцы байтских пословиц // Живая старина. Вып. 3. СПб.: 1910. С. 254–259.
- Бурдуков А. В.* Роды у байтов (Обычаи и знахарство во время родов) // Живая старина. 1916. Вып. 4. С. 81–87.
- Бурдуков А. В.* Поездка к калмыкам // Вестник АН СССР. 1932. № 11. С. 63–66.
- Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарткалмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.
- Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. 417 с.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник. М.: Гослитиздат. 1957. 990 с.
- Калмыцко-русский* букварь / сост. Н. Бадмаев; издание Управ-я Калмыцким народом. Изд-е 2-е, испр и допол. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 1910. 92 с.
- Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Изд-во фак-та Вост. яз. СПб. ун-та, 1905. 111 с.
- Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.
- Кичиков А. Ш.* От редакции // Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.
- Кузьмин Ю. В.* Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX века). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 232 с.
- Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 237 с.
- Нацагдорж Ш.* К вопросу социально-классового состава монгольского общества в конце XIX – нач. XX веков // *Studia Mongolica*. Т. IV (12). Fasc. 5. Ulan-Bator. 1976. С. 85–114.